

ГНИЛОЙ КЛИМАТ

«Мария Ивановна, выньте, пожалуйста, вещи из своего ящика, теперь за вашим гримерным столиком буду сидеть», — сказала очаровательная молодая актриса бывшей ведущей солистки театра. «Что? Я столько лет... Я тоже была венской героиней! Я не позволю!» — Лицо Марии Ивановны вспыхнуло, и она громко зарыдала. Рабочий день в театре оперетты начался.

На репетицию собирались в скорбном молчании. По дороге до рабочего места каждому предстояло продемонстрировать сложное искусство перевоплощения — мило поздороваться с «нашими» и выразить всяческое презрение при встрече с «теми». «Начнем с увертюры», — дирижер брезгливо окинул взглядом оркестр, взмахнул палочкой, прислушался... «Я сейчас сломаю смычок о вашу голову», — раздалось со стороны контрабасов. «А я...» — в ответ понеслась брань. «Прекратите!» — прокричал дирижер, постукивая палочкой о пульт. «А вы кто такой? — крикнула виолончель. — У вас даже диплома нет». «Как вы смеете? — возмутилась скрипка, — да Костя любого из вас хоть завтра уволить может!» Итак, вместо пленительной, жизнерадостной увертюры Штрауса на весь зал гремела музыка всеобщего скандала.

Музыканты, высказав все, что думают друг о друге, взялись, наконец, за инструменты. Вспыхнули огни рамп, занавес резко пошел в стороны, еще минута — и начнется великое чудо театра...

Незадолго до начала вечернего спектакля решили выяснить свои отношения дирижер и ведущий солист. Их творче-

ская дискуссия в реквизиторской закончилась тумками. Загримировав синяки и царапины, солист выпорхнул на сцену, а дирижер, надев фрак, встал за пульт.

Зритель в этот вечер был немало удивлен, когда увидел, как катастрофически багровеет лицо ведущего солиста. Будто ему пришлось не петь о своих нежных чувствах, а по меньшей мере толкать штангу рядом с тяжелоатлетами. А секрет был прост: дирижер дал указание оркестру играть на тон ниже. К концу спектакля веселая субретка изменилась не только в лице, но и лицом. Дело в том, что две актрисы, игравшие одну роль, так и не смогли договориться, кто же из них работает сегодня на сцене, и решили играть вдвоем — одна в начале спектакля, другая в конце, чтобы никому не было обидно.

Все эти грандиозные события происходили совсем недавно в Харьковском театре музыкальной комедии. Правда, не в один день, да и если бы только один день был наполнен таким кошмаром. Сколько продолжается эта война «наших» и «тех», уже никто не может сказать. Так же, как никто не помнит, с чего все началось и за что борются враждующие стороны. Только вот уже скоро год, как во все инстанции поступают коллективные жалобы из театра на невыносимый микроклимат в этом коллективе. Здесь побывали комиссии всех рангов — от горкома профсоюза до Министерства культуры СССР.

Конфликт... Как всегда и везде, он нежелателен, он мешает спокойно, нормально работать и участникам его, и тем,

кто должен направлять данный коллектив. Но в отношении к театральным конфликтам нередко сквозит доля снисхождения, скрытой уверенности в их неминувости. Люди, мол, эмоциональные, наделенные воображением, не без жилки тщеславия. И не беда, если где-то за кулисами они слегка поссорятся. Главное, чтобы на сцене их видели всегда очаровательными, всегда в форме.

Но если разобраться, так ли уж безобидны эти мелкие стычки за кулисами?

«У нас сцена стала любимым местом сведения счетов. Если перед спектаклем кто-то сценится, жди сюрпризов», — сказал в разговоре один из артистов оперетты. Однажды во время исполнения сольного скрипичного номера в оркестровой яме погас свет. «Это мне специально подстроили», — пронеслось в голове скрипачки. Вспоминая подробности недавнего столкновения с «теми», глотая слезы обиды, она играла бессмертную музыку Оффенбаха. Не подвергая сомнению профессиональные качества скрипачки, можно представить, как она исполняла этот номер. Можно посочувствовать ей, представив, сколько сил понадобилось, чтобы не растеряться, не впасть в панику, моржно вообразить, как она потом отомстит своим обидчикам.

Но хочется вспомнить и о третьей стороне, о свидетелях конфликта — зрителях. Тех, кто пришел в этот вечер насладиться изяществом и легкостью «вечно юного жанра». Почему вместо этого они должны были присутствовать при выяснении отношений? Почему они должны видеть, как падает ар-

тист балета, — и неважно, то ли потому, что дирижер задал ему непосильный темп, то ли для того, чтобы скомпрометировать дирижера? Все накладки, при помощи которых о-и мстят друг другу, не могут, конечно же, пройти не замеченными зрителями. Но это только одна сторона дела. В конце концов отсебятину и «сюрпризы» на сцене решили прекратить административными мерами. К тому времени, как я приехала в Харьков, руководство установило дежурство членов художественного совета на спектаклях.

Но как уберечь театр от более глубокого влияния закулисных склонов?

«Раньше на репетицию собирались с шутками, смехом», — вспоминает репетитор балетного цеха «доконфликтные» времена. — Теперь приходим и смотрим по сторонам: с кем можно здороваться, с кем нет». Актер творит своими нервами, чувствами, своей душой, наконец, и от этого куда не уйдешь. Ну, а как можно создать веселую, непринужденную атмосферу на сцене, если те, кто должен это сделать, только что накричались за кулисами до красных пятен на густо загримированных лицах? В итоге спектакль разваливается, и никто не может понять, почему: вроде и артисты способные, и голоса у них неплохие...

«Скучно у нас», — признался в беседе один из музыкантов. — Театр второй категории, зритель, как правило, только организованный, критики к нам не ездит, начальство приходит исключительно по жалобам. Увлечательной работы нет...» «Ничего, будет работа — прекратятся и все склоны», — бодро заявляли мне в управлении

культуры. Но почему-то не верилось на сей раз в эту испытанную формулу. Не могла я представить этих людей с конспектами жалоб, одержимыми идеями нового спектакля. Ведь сказать, что нет у них работы совсем, было бы несправедливо. Штат в театре не такой уж большой, и артисты достаточно много заняты в спектаклях. Но вся беда в том, что за последние три года через театр прошла масса дирижеров, режиссеров, директоров. Всех снимали по жалобам. «Как мы его, а?» — торжествовали после очередного собрания «те» или «наши». Это занимало и заставляло их больше, чем творчества.

К сожалению, не поднялась выше разбирательства «кто кому что сказал» и партийная организация театра. Ее коммунисты оказались беспомощными перед обывательской сутью разыгравшегося скандала. А ведь кому, как не им, надо было занять принципиальную позицию и сделать все возможное, чтобы прекратились склоны, лихорадящие театр. Ну, а что же местные органы культуры?

«Сколько мы занимались театром музыкальной комедии, столько мы не занимались ничем», — говорил заместитель начальника областного управления культуры В. Нагорный. Действительно, ему можно посочувствовать — руководство театра менялось каждый год. При этом мало когда волновали профессиональная подготовка, моральные качества будущих руководителей театра. Лишь бы побыстрее провести замену. Не это ли в конечном итоге поддерживает склочную атмосферу в театре? Не пора ли серьезно подумать, как этот изъеденный гнилым климатом коллектив вывести на путь творчества?

Н. РУСАКОВА,
наш спец. корр.

ХАРЬКОВ.